

РАЗДЕЛ III. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

**ББК Ш5(2=Р)
УДК 821.161.1**

DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_78

М. Л. Бедрикова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
mlbedrikova@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОЗЕ К. ФЕДИНА НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ («ГОРОДА И ГОДЫ»): ТРАДИЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена актуальной проблеме отечественного литературоведения XX–XXI вв. – вопросу о наследовании традиции художественного психологизма Ф. М. Достоевского. Объект анализа – ранняя проза К. Федина, его роман «Города и годы» (1924), созданный писателем-классиком в революционную эпоху. В статье автор выдвигает гипотезу: изображение типа рефлексирующего героя-интеллигента Андрея Старцова в ситуации нравственного выбора в романе «Города и годы» побудило писателя обратиться к художественному психологизму Ф. М. Достоевского. К. Федин использует форму психологического анализа великого русского классика, создавая образ интеллигента, индивидуализирует переживания главного героя в их динамике, воспроизводит процесс восприятия им идеи революции и одновременно прослеживает связи Старцова с другими персонажами. К. Федин воссоздает психологию тех персонажей, которые способны жить ради идеи, исходя из революционной «целесообразности», и тех, кто лично для себя решает вопрос о возможности/невозможности насилия над личностью. Повествуя о жизни студента Старцова, К. Федин воссоздает

---

¹ Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковедения и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

психологическую атмосферу его интеллигентного окружения – в Германии предвоенного и военного периода (накануне и во время Первой мировой войны) и в России – после 1917 года. Важнейшая тема литературы 1920-х гг. «судьба личности в революционную эпоху» сопрягается с темой Первой мировой войны и судьбы молодого поколения. Благодаря глобальному «зрению» К. Федина, судьба поколения 1910-х годов показана как глубоко трагическая. Развивая традицию гуманизма Ф. М. Достоевского, вскрывая «язвы» современной европейской цивилизации, поправшей идею человечности, писатель пророчески предвидит грядущие катастрофы XX века. Новым для русской прозы 1920-х годов стал созданный К. Фединым тип героя-интеллигента в романе «Города и годы», психология которого в 1930-е годы была художественно осмыслена Э.М. Ремарком как психология «потерянного поколения». Методология статьи: в комплексе использованы биографический, историко-литературный и типологический методы.

Ключевые слова: русская проза 1920-х годов, К. Федин «Города и годы», традиции Достоевского, психологизм

Введение

На рубеже XX–XXI вв. в отечественном и мировом литературоведении растёт интерес к художественному наследию великого русского классика Ф. М. Достоевского [1]; [8]; [10, 385]; [12, 120–121]; [15]. В 2021 г. мировая общественность отмечает 200-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821–1881) [13, 267]. Огромный опыт изучения художественного психологизма накоплен в ходе анализа отечественными литературоведами прозы 1920–х годов. В творчестве писателей первой трети XX века выявлено мощное влияние проблематики и поэтики Ф. М. Достоевского, что отмечают такие литературоведы, как В. В. Бузник [4], М. М. Голубков [5], Э. С. Дергачёва [6], А. Б. Есин [7], В. В. Компанец [9]. Константин Александрович Федин (1892–1977) развивал в своей прозе традиции психологизма великого писателя-психолога XIX века. Для К. Федина Ф. М. Достоевский был образцом писателя-гуманиста, позже, во времена гонений за «достоевщину», К. Федин хранил письма, в которых обсуждались проблемы творчества великого классика [15]. В период «смуты», национального «рассеяния» 1920-х годов обращение к классическому наследию было способом установления национальной идентичности молодого писателя [3].

1. Характеристика исследования

Русская проза 1920-х годов переполнена сюжетами с острейшими классовыми конфликтами. Время, которое исследователи именуют «расколом», повлекло процессы деградации культуры в Советской России, рождение нового типа – «человека массы», закономерное появление которого предсказывал Ф. М. Достоевский и современные К. Федину писатели. М. Голубков пишет, ссылаясь на идеи испанского философа 1930-х годов Х. Ортега-и-Гассет.: «О том, как подобное требование «человека массы» воплотилось на русской почве 1920-х годов, писал в первой редакции «Хождения по мукам» А. Н. Толстой: «На трон императора взойдёт нищий в гниоце и крикнет – «Мир всем!». И ему поклонятся <...> Толстой действительно уловил важную грань общественных «массовых» настроений: право «человека массы» предложить обществу всеобщую унификацию с собой выразилось в концепция личности Пролеткульта и ЛЕФа, именно с ними полемизировал Е. Замятин в романе «Мы». <...> Возникает и приходит к власти новый тип человека, который не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю...право не быть правым, право произвола. О грядущем владычестве «человека массы» уже с середины прошлого века заговорили очень многие – имена А. Герцена или Ф. Достоевского, автора «Зимних заметок о летних впечатлениях», являются одними из наиболее заметных и значимых [5, 78–79].

Вопреки тенденции времени, с его пафосом отрицания «старой» культуры, молодой писатель К. Федин примыкает к другой линии, он не отделяет себя от классического наследия XIX века. 1920-е годы для Константина Александровича Федина – время писательского становления, художественных поисков в период его участия в литературном содружестве «Серапионовы братья», когда были созданы произведения, ставшие литературной классикой XX века: рассказы (сборник «Пустырь», 1923); роман «Города и годы», 1924; повести «Анна Тимофеевна», 1921–1922; «Наровчатская хроника», 1924–1925; «Трансвааль», 1925–1926; «Старик», 1929–1930. Похожая ориентация на классические традиции в послереволюционный период наблюдалась у М. Булгакова, М. Зощенко, Л. Леонова. В своей ранней прозе, в частности, рассказах и повестях, К. Федин, как и Ф. М. Достоевский, сосредоточен на изображении «маленького человека», в контексте развенчания обывательской философии, буржуазной морали: для молодого писателя, увлечённого революционной романтикой преобразования мира, патриархальный

уклад старой России – это что-то вроде Атлантиды, на глазах уходящей «на дно» Истории. Согласно логике типа, в революционную эпоху «маленький человек» неизбежно будет раздавлен «человеком массы»: восприятие повседневности, мелкого быта как «бытия» заключает в себе «оттенок трагического» в положении «маленького человека» в новое время [5, 109]. Авторы 1920-х годов, пришедшие в литературу с фронтов Гражданской войны, встали перед проблемой так называемого «нового гуманизма». Каждому пришлось ответить на вопрос о ценности каждой, самой незначительной с виду, жизни. Мотивы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» отмечены многими исследователями в послереволюционной прозе (исповедь большевика Стельмахова в повести Ю. Либединского «Неделя», изображение сознательного умерщвления раненого партизана Фролова в романе А. Фадеева «Разгром») [5, 143].

Опыт художественной литературы в исследовании человеческой души трудно переоценить. Среди определений «души» выделяется предложенное М. Бахтиным: «Душа – образ совокупности всего пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленности жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от «Я»)» [1, 497–498]. К. Федин, осознающий миссию русского писателя, постигающий национальный характер, старался прежде всего понять, что есть душа человеческая. Не удивительно, что писатель выбрал примером для себя именно Ф. М. Достоевского, которого называл: «богом моей юности» (Э. С. Дергачёва) [6, 66]. Примечательно, что не только писатели, литературоведы, но и представители других сфер гуманитарного знания обращаются к творчеству русских классиков в поиске «смысла» – понятиям «душа» и «дух», «духовность» – в их тесной взаимосвязи, которая как раз и привлекала К. Фебина в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. Музыковед Л. Серебрякова вопрошает: «Но ограничена ли духовность народа только творчеством его духа – постигающего и творящего, даже если понимать его как деятельность сознания и интуиции? Молчит ли его «душа», не отпечатывается ли на самом образе национальной духовности, входит ли в её структуру? Этот вопрос... теряет всякий смысл, когда мы слушаем музыку Баха или Чайковского, Россини или Брукнера, созерцаем полотна Рембрандта и Левитана, читаем Пушкина и Достоевского, Маркеса или Эко, Духовное и душевное находится в них в неразрывном единстве, хотя и в изменчивом взаимодействии» [14, 28]. Полагаем, К. Фебина интересовали психологические аспекты изображения Ф. М. Достоевским

«кризисных состояний» души человека. Эпоха 1920-х годов (время «раскола») определила последующие 1930-е как «ситуацию культурного вакуума»: «...в обществе, раздираемом противоречиями, в конфликт входят ещё не исчезнувшие обломки прежней культуры и элементы активно формирующейся новой...старые основания культуры рушатся, а новые ещё не сложились...» [5, 83]. В ситуации «культурного вакуума» каждому писателю необходимо было определить свою позицию по отношению к «старой» культуре, к реализму XIX века, в частности, к такому завоеванию, как художественный психологизм.

В отличие от представителей Пролеткульта и ЛЕФа, сделавших главным действующим лицом современности революционно настроенную «массу» (соответственно и человека массы»), в полемике о личности и коллективе обозначилась и другая тенденция – журнала «На посту» (1923–1924), критики которого отстаивали право на изображение в литературе «живого человека»: «усилился интерес к индивидуальному своеобразию личности и её внутреннего мира, к актуальности психологизма, психологического анализа, воспроизведения психологических процессов» [6, 11]. Велика роль А. Воронского и А. Луначарского в отстаивании права художественной литературы на психологизм. Так, А. Воронский, критикуя позицию «лефовцев», для характеристики «ситуации» в литературе использовал развёрнутую метафору: «Психологизму объявлена война» [6, 10]. В наше время аргументы критиков 1920-х годов в пользу психологии и психологизма подчас производят странное впечатление, например, следующее высказывание А. В. Луначарского, уподобившего психологизм реакции здорового организма: «"Психологии" бояться нечего. Мы под психологией разумеем не средневековую "душу", а привычную складку организма, происходящую вследствие давления социальных причин и обуславливающую собою характер поведения данной индивидуальности при тех или иных жизненных условиях» [6, 12]. Современных исследователей не устраивают определения «души» в советских словарях-справочниках: «...душа характеризуется как «сознание отдельного человека, то есть свойство высокоорганизованной материи – мозга, способность отражать предметы объективной реальности в ощущениях, восприятиях, представлениях, суждениях, понятиях» [14, 28]. Сложной, тревожной виделась социокультурная ситуация в Советской России 1920-х годов литературным критикам Русского Зарубежья [8]. И. Э. Кабанова приводит в своей работе фрагменты критических суждений (чаще

в эпистолярной форме) о К. Федине, занявшем мужественную последовательную позицию по вопросу о психологизме: «Федин обнаружил себя сторонником классической традиции нашего романа <...> Уже в «Городах и годах», в отличие от многих своих собратьев, Федин интересовался личностью, независимо от её взглядов и общественной роли. Это психологический уклон, это сознание, что самое важное в жизни – человек, его переживания и его судьба...» [8, 115]. Критик Святополк-Мирский фиксирует внимание на особой роли, которую играет писатель в новой ситуации: «...Чувство конкретной и неповторимой личности резко выделяет Федина... <...> Федин делает то, что делал русский роман 19-го века – Лепендин и Сваакер, общественные типы [Лепендин – герой из народа в романе «Города и годы»; Вильям Сваакер – герой повести «Трансвааль» – М.Б.], социально значимые личности, законные наследники Обломова, Рудина и Порфирия Головлёва» [8, 116].

1.1. Гипотеза

Восприятие традиции психологического анализа Ф. М. Достоевского позволяет К. Федину не только создать широкую картину русской жизни середины 1910-х–1920-х годов в период «раскола» общества, показать трагедию нескольких поколений русских людей, попавших в молох Истории – время войн и революций, но и раскрыть современному читателю сокровенное – мир души рефлексирующего героя-современника. Повествуя о жизни студента Андрея Старцова, К. Федин воссоздает психологическую атмосферу его интеллигентного окружения – в Германии предвоенного и военного периода (накануне и во время Первой мировой войны) и в России – после 1917 года. Важнейшая тема литературы 1920-х гг. «судьба личности в революционную эпоху» сопрягается с темой Первой мировой войны и трагической судьбы молодого поколения.

1.2. Методология исследования

В работе использован биографический метод, в комплексе с историко-литературным, типологическим. *Теоретической базой* служат труды М. М. Бахтина [1], а также актуальные работы по проблемам творчества К. А. Федина и Ф. М. Достоевского, в частности, специфика психологического анализа рассмотрена А. Б. Есиным: «Так психологизм перестраивает традиционные формы повествования в соответствии со своими собственными задачами» [7, 46]; «В «Братьях Карамазовых» идейно-нравственная проблематика уже доминирует полностью...ключ ко всем проблемам он (Достоевский – М. Б.) ищет в душе человека...» [7, 47]; «...Обе формы психологического анализа – и от лица персонажа, и с помощью

приёма умолчания – применялись Достоевским вместе» [7, 50]. Этапным трудом в исследовании психологизма в свое время стал сборник статей «Проблемы психологического анализа в литературе» [11].

1.3. Автобиографическое начало в романе «Города и годы»

К. Федин, следуя традиции русского психологического роман, сосредоточен на проблеме личности, судьбе человека в его взаимодействии с временем, исторической эпохой. В романе «Города и годы» присутствуют автобиографические моменты. А. Старков, комментируя текст произведения, фиксирует многочисленные совпадения фактов биографии писателя с фактами жизни художественного образа – интеллигента Андрея Старцова [16, 544]. К. Федин воссоздаёт подробности своего пребывания вне России – во время нахождения в Германии в бытность студентом Московского коммерческого института. В момент начала Первой мировой войны К. Федин, как гражданин России, враждебной в то время кайзеровской Германии, оказался в бедственном положении. Все четыре года войны он, как и Андрей Старцов, находился в статусе «гражданского пленного». На родину будущий писатель вернулся только осенью 1918 года, то есть он оказался уже в новой России – советской. Перечисленные перипетии судьбы автора романа «Города и годы» отразились так или иначе в романной судьбе его главного героя. Существует ещё одно автобиографическое произведение «Я был актёром», в герое которого можно узнать черты молодого К. Фебина в его бытность в Германии (1914–1918). А. Старков приводит цитату из автобиографии К. Фебина, напечатанной в 1922 году в «Литературных записках»: «Поступил хористом, в городской театр (в Циттау. – А. С.) <...> После чего утвердился в амплуа комического баса. Играл в театрах Гёрлица, Аннаберга, ездил с дрянненькими труппами по саксонским сёлам...» [16, 554]. Тем не менее писатель не придавал большое значение автобиографической точности: «...действительно пережитое художником лишь просвечивает сквозь отысканные им образы времени» [16, 554–555].

1.4 Особенности психологизма в романе «Города и годы»

Проблема влияния традиции Ф. М. Достоевского на авторов 1920-х годов (романы Л. Леонова и К. Фебина) находилась в центре исследовательских интересов в течение последней трети XX века. Так, Э. С. Дергачева делает аналитический обзор работ, посвященных стилевым традициям: в конце 1960-х годов С. Н. Андреевой был исследован принцип полифонизма, воспринятый К. Фебиным у Ф. М. Достоевского, особенности такой сюжетной организации романа, при которой повествование концентрируется вокруг

драматических ситуаций, а характеры героев раскрываются в единстве идеологического и психологического аспектов – в диалогах идей [6, 66]. Психологически объемное изображение Андрея Старцова позволило К. Федину раскрыть константные для русской литературы нравственные «ориентиры» и то, что было рождено новой революционной эпохой. Во внутренних монологах и диалогах с Куртом Ваном Старцов в духе героев Ф. М. Достоевского переживает чувство вины (интеллигенции перед народом), самобичевание, состояние жертвенности во имя идеи революции. То, что для представлялось критикам Русского Зарубежья «искусственным» в сюжете романа «Города и годы» – намеренное нарушение хронологии исторических событий – объясняется желанием автора передать «события» через эмоциональное состояние Старцова. В «Главе о девятьсот восемнадцатом» диалог с Куртом Ваном пронизан пафосом возвышенного романтизма, проникновенной исповедальности. В рассказе Андрея о любви к Мари Урбах использован приём умолчания, Старцов рассчитывает на безусловное понимание Куртом его психологического состояния – переполненности счастьем любви. Однако Курт Ван поражает читателя своеобразной «реакцией» на слова Старцова о главном в жизни:

«Тогда Курт дотронулся до его груди и так же тихо, как говорил Андрей, почти шёпотом, сказал:

– Я понимаю, почему ты хочешь туда

И так как Андрей затих, спросил, погодя несколько минут:

– Значит, самое большое в твоей жизни за эти годы – любовь?

Андрей сказал:

– Да.

И, погодя опять несколько минут, в застывшей ночи, в темноте, произнёс Курт:

– А в моей – ненависть» [16, 221].

К. Федин в этом диалоге близких друзей психологически достоверен: преданность Курта идее революции заслоняет ценности гуманизма, жизнь как таковую, пропитывая ненавистью душу. В сценах провинциальной жизни (в Германии и в Семидоле) подчеркивается ограниченность обывателей – разумеется, национальная специфика окрашивает эту «ограниченность» по-разному. Так, гротескно высвечивается немецкая «методичность», любовь к «порядку»: «...какой-то бюргер, заперев свою табачную лавочку, вывесил на двери картонку с объявлением: «ЗДЕСЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ДЕЛАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ» [16, 230]. Используя

М. Л. Бедрикова

условность, К. Федин остаётся достоверным в изображении исторических событий, политических сил, партий в России и Европе середины 1910-х–1920-х годов. Так, в Семидоле неожиданно появляется немецкий офицер, тайно сотрудничающий с националистически настроенным населением Мордвы (дневник этого персонажа непосредственно показан читателю).

Заключение

Анализ романа К. Фебина «Города и годы» в аспекте восприятия автором традиции психологизма Ф. М. Достоевского подтверждает приверженность писателя 1920-х годов к формам психологического анализа. В ранней прозе К. Федин уже использовал композицию образа героя, предполагающую отражение в душе антиномий – добра и зла в человеке, «божеского» и «дьявольского». В романе «Города и годы» писатель своеобразно применяет, трансформирует характерные для Ф. М. Достоевского приёмы: изображение моментов душевного кризиса (душевных взрывов, разрывов, резких перепадов настроения) – того, что свойственно «смятенному сознанию» (В. Я Кирпотин) типа новых людей.

Литература

1. Байяр П. Загадка Толстовского. Москва: Текст, 2019. 205 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1980. 445 с.
3. Бедрикова М. Л. Русская литература и музыка на рубеже XX-XXI вв.: к вопросу о национальной идентичности // *Libri Magistri*. № 5. 2018. С. 87–91.
4. Бузник В. В. Русская советская проза двадцатых годов. Ленинград: Издательство «Наука», 1975. 279 с.
5. Голубков М. М. Русская литература XX в.: после раскола: Уч. пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
6. Дергачёва Э. С. Проблема характера в советской прозе 20–х годов. Челябинск: Челябинский гос. пед. ин-т, 1983. 94 с.
7. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: Кн. для учителя. Москва: Просвещение, 1988. 176 с.
8. Кабанова И. Э. Творчество К. Фебина 1920-х годов в оценке Русского Зарубежья // *Русскоязычные писатели в современном мире* /под науч. редакцией проф. М. Полехиной. Вена: Венский Литератор, 2014. С.112–118.
9. Компанец В. В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). Ленинград: Ленинградское отделение «Наука», 1980. 113 с.

10. Прилепин З. Книжечёт: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями. Москва: Астрель, 2012. 444 с.
11. Проблемы психологического анализа в литературе. Межвузовский сборник научных трудов. Ленинград: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. 156 с.
12. Распутин В. Эти 20 убийственных лет. Москва: Алгоритм: Эксмо, 2012. 320 с.
13. Русские писатели. Биобиблиографический словарь [В 2 ч.]. Ч. I. А – Л / Редколлег.: Б. Ф. Егоров и др.; под ред. П. А. Николаева. Москва: Просвещение, 1990. 432 с.
14. Серебрякова Л. В поисках обретаемого смысла. Русская музыка в движении времени. Москва: Аграф, 2017. 560 с.
15. Туниманов В. А. Полемика Л. Андреева со статьями М. Горького «О «карамазовщине»» и «Ещё о «карамазовщине»» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 227–228.
16. Федин К. А. Города и годы: роман; повести. Москва: Художественная литература, 1988. 558 с.

REFERENCES

1. Bajjar P. Zagadka Tolstoevskogo [The enigma of Tolstoevskogo]. Moscow: Tekst, 2019. 205 p.
2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [The Aesthetics of Word Creation]. Moscow: Iskusstvo, 1980. 445 p.
3. Bedrikova M. L. Russkaja literatura i muzyka na rubezhe XX-XXI vv.: k voprosu o nacional'noj identichnosti [Russian literature and music at the turn of XX–XXI centuries: national identity] // Libri Magistri. Vyp. 5. 2018. P. 87–91.
4. Buznik V. V. Russkaja sovetskaja proza dvadcatyh godov [Russian Soviet prose of the twenties]. Leningrad: Izdatel'stvo «Nauka», 1975. 279 p.
5. Golubkov M. M. Russkaja literatura XX v.: Posle raskola [Russian Literature of the Twentieth Century: After the Schism]: Uch. posobie dlja vuzov. Moscow: Aspekt Press, 2001. 267 p.
6. Dergachjova Je. S. Problema haraktera v sovetskoj proze 20-h godov [The Problem of Character in Soviet Prose of the Twenties]. Cheljabinsk: Cheljabinskij gos. ped. in-t, 1983. 94 p.
7. Esin A. B. Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury: Kn. dlja uchitelja [The Psychology of Russian Classical Literature]. Moscow: Prosveshhenie, 1988. 176 p.

M. L. Bedrikova

8. Kabanova I. Je. Tvorchestvo K. Fedina 1920-h godov v ocenke Russkogo Zarubezh'ja [K. Fedin's Work in the 1920s as Evaluated by the Russian Diaspora] // Russkojazychnye pisateli v sovremennom mire [Russian-speaking writers in the modern world] /pod nauch. redakciej prof. M. Polehinoj. Vena.: Venskij Literator, 2014. P.112–118.

9. Kompaneec V. V. Hudozhestvennyj psihologizm v sovetskoj literature (1920-e gody) [Artistic Psychologism in Soviet Literature (1920s)]. Leningrad: Leningradskoe otdelenie «Nauka», 1980. 113 p.

10. Prilepin Z. Knigochjot: posobie po novejshej literature s liricheskimi i sarkasticheskimi otstuplenijami [Bookwatcher: a guide to recent literature with lyrical and sarcastic digressions]. Moscow: Astrel', 2012. 444 p.

11. Problemy psihologicheskogo analiza v literature [Problems of psychological analysis in the literature]. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov . Leningrad: LGPI im. A.I. Gercena, 1983. 156 p.

12. Rasputin V. Jeti 20 ubijstvennyh let [These 20 murderous years]. Moscow: Algoritm: Jeksmo, 2012. 320 p.

13. Russkie pisateli [Russian writers]. Biobibliograficheskij slovar' [V 2 ch.]. Ch. I. A – L / Redkolleg.: B. F. Egorov i dr.; pod red. P. A. Nikolaeva. Moscow: Prosveshhenie, 1990. 432 p.

14. Serebrjakova L. V poiskah obretaemogo smysla. Russkaja muzyka v dvizhenii vremeni [In Search of Acquired Meaning. Russian music in the movement of time]. Moscow: Agraf, 2017. 560 p.

15. Tunimanov V. A. Polemika L. Andreeva so stat'jami M. Gor'kogo «O «karamazovshhine»» i «Eshhjo o «karamazovshhine»» [L. Andreev's polemic with M. Gorky's articles "About 'Karamazovshchina'" and "More about 'Karamazovshchina'"] // Maksim Gor'kij: pro et contra, antologija. Sovremennyj diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zaharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtinceva. Sankt-Petersburg: RHGA, 2018. P. 227–228.

16. Fedin K. A. Goroda i gody [Cities and Years]: roman; povesti. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1988. 558 p.

K. FEDIN'S PROSE PSYCHOLOGISM OF EARLY 1920s

(«CITIES AND YEARS»):

F. M. DOSTOEVSKY'S TRADITIONS

Maya L. Bedrikova

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to actual problem of Russian literary criticism of the XX-XXI centuries: the question of inheriting the tradition of artistic psychologism by F. M. Dostoevsky. The object of analysis is K. Fedin's early prose, his novel «Cities and Years» (1924), created by a classic writer in a revolutionary era. The author of this article puts forward a hypothesis – the representation of type of reflective hero-intellectual Andrei Startsov in a situation of moral choice in the novel «Cities and Years» prompted the writer to turn to F. M. Dostoevsky's artistic psychologism. K. Fedin uses the form of psychological analysis of the great Russian classic, creating the image of an intellectual, carefully individualizes experiences of protagonist in their dynamics, reproduces the process of his perception of the idea of revolution and at the same time traces Startsov's connections with other characters. K. Fedin recreates the psychology of those characters who are able to live for the sake of the idea, based on the revolutionary «expediency», and those characters who personally decide for themselves the question of possibility or impossibility of violence against the individual. Telling about student Startsov's life, K. Fedin recreates the psychological atmosphere of his intellectual environment in Germany before the war and during the war period (on the eve and during the First World War) and in Russia, after 1917. The most important theme of literature of 1920s «The fate of the individual in the revolutionary era» is linked to theme of the First World War and the fate of younger generation. The destiny of generation of 1910s is shown as deeply tragic because of K. Fedin's global «vision». Developing F. M. Dostoevsky's tradition of humanism, exposing the «ulcers» of modern European civilization, which has raised the idea of humanity, the writer prophetically foresees the coming catastrophes of the twentieth century. New for the Russian prose of the 1920s was the type of intellectual hero created by K. Fedin in the novel «Cities and Years», whose psychology in 1930s was artistically interpreted by E. M. Remizov as the psychology of the «lost generation». In this article biographical, historical-literary and typological methods are used.

Keywords: Russian prose of 1920s, K. Fedin, novel «Cities and Years», Dostoevsky's traditions, psychologism

Для цитирования: Бедрикова М. Л. Особенности психологизма в прозе К. Федина начала 1920-х годов («Города и годы»): традиции Ф. М. Достоевского // Libri Magistri. 2021. № 2 (16). С. 78–89.

Поступила в редакцию 20.03.2021